

Михайлом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской Императорской и Королевской Шведской академий наук. СПб., 1766 [Репринт]. С. 3—4.

³⁹ Речь идет о предпринятом Миллером опыте написания труда об истории Смутного времени (см.: *Миллер Г.-Ф.* Опыт новейшей истории о России // Сочинения и переводы, к пользе и увеселениям служащие. 1761. Янв. С. 3—63; Февр. С. 99—154; Март. С. 195—244), публикация которого была прекращена после жалоб Ломоносова к К. Г. Разумовскому.

⁴⁰ См.: *Вознесенский А. В.* Неизвестный вариант издания «Древней Российской истории» М. В. Ломоносова // XVIII век. Сб. 16 : Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века / отв. ред. А. М. Панченко. Л., 1989. С. 217.

⁴¹ См.: *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: теория и история. Т. 2 : Образы прошлого. СПб., 2006. С. 412.

⁴² См.: *Кроче Б.* Теория и история историографии. М., 1998. С. 22; *Арон Р.* Введение в философию истории // Избранное. СПб., 2000. С. 493; *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Указ. соч. С. 533, 537.

⁴³ См.: *Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни // Соч. М., 1990. Т. 1. С. 175—176.

⁴⁴ *Репина Л. П.* Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем : альм. интеллект. истории. № 21. Спец. выпуск : Исторические мифы и этнонациональная идентичность. М., 2007. С. 11.

⁴⁵ *Кроче Б.* Указ. соч. С. 22.

⁴⁶ *Тош Дж.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 15—16.

⁴⁷ *Арон Р.* Указ. соч. С. 494.

⁴⁸ *Тош Дж.* Указ. соч. С. 29, 31—32.

Ю. Е. Барлова

«ВИГСКИЙ НАРРАТИВ» И ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА «СТАРОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ О БЕДНЫХ» В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В 1834 г. в Англии был принят закон «О поправках к законодательству о бедных», отменивший обязательные сборы в пользу неимущих и нуждающихся и поставивший в центр новой системы социальной помощи институт работных домов. Реформа была

проведена в атмосфере практически единогласной критики так называемого «старого законодательства о бедных» («The Old Poor Law») и основанной на нем «старой системы» социальной помощи. В официальных документах, речах, письменных сочинениях первой половины XIX в., непосредственно оформлявших необходимость реформы 1834 г., красной нитью проходил тезис о несовершенстве «старого законодательства о бедных» по причине *избыточности* социальной помощи. Этот тезис хорошо иллюстрируется высказыванием знаменитого историка Алексиса де Токвиля, посетившего Англию накануне реформы. Он писал, что в Англии «наиболее велик процент населения, зависящий от организованного милосердия», так как «это общество... лечит беды, которые в других местах не замечают». «В Англии, — добавлял Токвиль, — средний уровень жизни, на который может рассчитывать человек (бедняк), выше, чем в любой другой стране мира. Но это значительно усиливает разрастание пауперизма в данной стране»¹.

Образ «старой системы» как избыточной, «бедноцентристской» и усиливающей нищету и пауперизм создавался в рамках нарратива, лежавшего в основе дискуссий и исследований о проблемах бедности, нищеты и безработицы. Этот нарратив иногда именуют «вигским» — возможно, потому, что реформа 1834 г. была проведена парламентским большинством, тогда еще определявшим себя как партию вигов. То, что образ «старой системы» в историографии британской социальной политики довольно долго оставался преимущественно отрицательным, не может не свидетельствовать о популярности и распространенности «вигского нарратива» в Новое время.

Англия, как известно, является страной с давними и прочными традициями помощи бедным. Поэтому интересно, почему критики «старой системы» в XIX в. одержали такую внушительную победу, а также как и в связи с чем менялись оценки природы и значения «старого законодательства» в общественно-политической мысли и историографии Нового и Новейшего времени.

Под «старым законодательством о бедных», реформированном в 1834 г., подразумевался не один закон, а целая «коллекция» (больше пятидесяти) парламентских актов и королевских статутов, при-

нятых в XVII—XVIII вв. Наибольшее значение среди них традиционно придается «Акту о помощи бедным» (1597), юридически закреплявшему необходимость социальной поддержки «*пожилых, беспомощных и бедных*», а также «*больных и искалеченных... сирот, одиноких матерей*». Этот закон учреждал систему приходских попечителей по призрению бедных (*overseers of the poor*), предписывал сбор налогов в пользу бедных (*poor rates*) в каждом приходе, разрешал помогать трудоспособным пауперам (которые, однако, должны были отработать получаемую помощь на благо прихода) и вводил «обязательное ученичество» детей бедняков как подмастерьев². Важным также являлся провозглашенный принцип «взаимной ответственности» родителей и детей, обязывавший трудоспособного человека содержать, под угрозой ежемесячного штрафа в 20 шиллингов, «неимущих, старых, слепых, хромым и немощных» родственников³.

Одновременно с закреплением необходимости социальной помощи была закреплена и неизбежность наказания «бродяг, праздношатающихся и упорных нищих», представлявших угрозу общественному порядку и спокойствию. Иными словами, законодатели как можно более детально разграничили тех, кто в силу возраста или болезни «был вынужден жить за счет помощи и милосердия», и «упорных бродяг» (*sturdy vagabonds*), «нарушителей спокойствия» (*rufflers*), «не боящихся наказания попрошайек» (*valiant beggars*), «ленивых праздношатающихся» (*idle wanderers*), «жуликов» (*rogues*), «бродяг» (*tramps*), «браконьеров» (*poaches*)⁴.

Законы 1597 г. несколько раз пересматривались и усовершенствовались: более детально излагался порядок и механизм сбора налогов, появились пункты о полном запрете бродяжничества и попрошайничества (разрешалась лишь милостыня в виде еды), а также об ужесточении наказания бродяг. Первая «новая» редакция получила название «Акт о законодательстве в отношении бедных» (1601)⁵, еще он известен под названием «Елизаветинского закона о бедных» и до сих пор считается столпом всей «старой системы» социальной помощи в Англии. Документ сопровождался отдельным постановлением «Об Использовании Благотворительных Средств», которое закладывало основы так называемого

«частного сектора» системы социальной помощи, поощряя благотворительность и «продвигая» идеи филантропии среди аристократов и купцов.

По сути, принятие «законов о бедных» означало, что государство берет на себя ответственность за социальную помощь, начинает создавать комплекс институтов и мер для ее реализации и определяет категории тех, кто в этой помощи нуждается. Однако механизм воплощения этих законов в жизнь носил не общегосударственный, а скорее местнический характер. Каждый приход назначал неоплачиваемого («на общественных началах») попечителя, который должен был собирать налоги с каждого «занимающего землю» жителя прихода пропорционально его доходу и направлять эти средства для «помощи беднякам данного прихода». Помощь могла осуществляться в различных формах — это и еженедельные прямые денежные выплаты, и обеспечение одеждой, едой, жилищем, и медицинская помощь больным и старикам, и помощь одиноким матерям, заключавшаяся в поиске отцов и взыскании с них средств в пользу детей вплоть до «созревания» последних, и предоставление убежища бездомным. Трудоспособные безработные получали свое пособие по безработице (*dole*), но должны были отработать какое-то время на «пополнении материальных запасов прихода». При этом магистраты несли ответственность за то, чтобы каждый приход знал своего попечителя и чтобы последний выполнял свои обязанности. Выявленные нарушения (например, если в приходе обнаружится трудоспособный паупер, который получает пособие, но не работает) грозили наказанием⁶. Со своей стороны работодатель нес ответственность за сохранение рабочих мест в периоды кризисов или неурожаев, что, как считает исследователь Е. Леонард, «являлось отражением традиционного ожидания от хозяина ответственности за благосостояние своих слуг» — «патерналистской модели» отношений работодателя и работника, характерной для доиндустриального общества⁷.

Все вышеперечисленные установления были компонентами так называемого «открытого призрения» (*outdoor relief*). Наряду с ним в «старой системе» практиковалось и «закрытое призрение» (*indoor relief*), или призрение в работном доме. Работные дома существова-

ли в Англии с XVII в., но вначале, как правило, они имели форму «рассеянных мануфактур». В 1723 г. работные дома были юридически включены в существовавшую систему социальной помощи. «Акт о проверке работным домом» (1723), или «Акт Нэтчбулля», давал приходам право выбора — осуществлять помощь бедным в форме выплат или организовать работный дом, куда пауперы, действительно нуждавшиеся в помощи, помещались в обязательном порядке на определенное время — «проверить, так ли велика их нужда», — и получали там работу, пищу и одежду. В течение XVIII в., по словам исследователя В. Куирка, работные дома «входили и выходили из моды во многих графствах — в зависимости от смены материальных обстоятельств в приходе или администрации»⁸. Зачастую работный дом того времени выглядел как «пространство для обитания под одной крышей больных, стариков, беспризорников и нескольких беременных девочек. Они жили вместе и периодически принуждались к работе»⁹.

Наконец, последней составляющей «старого законодательства» стала «Спинхемлендская система» 1795 г., которая вообще никогда не имела статуса закона и являлась не чем иным, как прецедентом, принятым в одном графстве и впоследствии заимствованным другими. Так, в мае 1795 г. мировые судьи графства Беркшир собрались в таверне «Пеликан» в местечке Спинхемленд с намерением установить новый минимум заработных плат на селе и тем самым уменьшить уровень сельской бедности. В итоге была выработана «спинхемлендская шкала», по которой каждый «бедный и усердный человек» получал от прихода определенную сумму денег как прибавку к жалованью. Шкала представляла собой таблицу, в которой учитывалось семейное положение бедняка, количество детей и действующая цена на хлеб. Если хлеб дорожал, прибавка увеличивалась. Примеру Спинхемленда вскоре последовала почти половина английских графств.

Таким образом, тремя основными принципами системы социальной помощи в том виде, в каком она сложилась к концу XVIII столетия, были:

1) государственное (законодательное) конституирование категорий неимущих, «действительно» нуждающихся в помощи;

2) оказание социальной помощи за счет обязательных налоговых отчислений;

3) приход как главная административная единица, ответственная за регулирование проблем с бедными, помощь «заслуживающим» бедным и наказание бродяг и попрошаек.

Первые попытки критики этой системы появились еще в XVII в. Великий английский просветитель Джон Локк в специально подготовленном докладе по этому вопросу в 1696 г. отмечал, что «половина лиц, получающих помощь от прихода, способны сами зарабатывать себе на жизнь», а «зло происходит не от недостатка продовольствия и безработицы среди бедных, а от... отсутствия дисциплины и коррупции манер»¹⁰. В том же русле располагались и аргументы мыслителей XVIII в. Большинство из них основывалось на принципе личной обусловленности бедности (люди сами виноваты в своей нищете) и считало, что выходом является отказ от дотаций бедным и ориентация последних на самопомощь. Родоначальником этого подхода является Джозеф Тауншенд, который уже в 1786 г. в работе «Исследование законов о бедных доброжелателем человечества» высказал идеи, которые впоследствии повторил знаменитый мыслитель Томас Мальтус и которые позднее были объединены термином «мальтузианство». «Количество пищи, — писал Тауншенд, — вот что регулирует численность человеческого вида»¹¹. Рано или поздно численность населения начинает превышать количество пищи, поэтому в обществе всегда должны быть бедные, которые обречены на голод и нуждаются в работе. Они и являются истинными виновниками чрезмерной нищеты, так как увеличивают свою численность ранее, чем будет обеспечена достаточная для их поддержания провизия. Таким образом, Тауншенд выделял три причины роста нищеты: безрассудное размножение бедных, леность и порочность бедняков, лишенных добродетелей протестантской этики — трудолюбия, трезвости и бережливости, и английские законы о бедных, по которым общество должно содержать пауперов. Выход из положения — воздействовать на нищету голодом. Голод — идеальное средство принуждения бедных к труду: беднякам «мало известны мотивы,

которые стимулируют деятельность более высоких слоев общества: гордость, честь, честолюбие. В результате лишь только голод может заставить их работать»¹².

Аргументы Тауншенда почти слово в слово повторялись в сочинениях Т. Мальтуса. В ставшем классическим труде «Опыт о законе народонаселения...» (1798) он предложил знаменитую формулу, объясняющую нехватку средств к существованию на всех: население имеет тенденцию к росту в *геометрической* прогрессии, тогда как средства к существованию растут в *арифметической*. Мальтус считал, что «система государственной помощи бедным поощряет размножение населения и тем самым увеличивает бедность. Поэтому, чтобы поднять благосостояние населения, нужно отменить законы о бедных и предоставить помощь нуждающимся всецело частной благотворительности»¹³. Через несколько лет те же аргументы повторил экономист Давид Риккардо: «Только прививая беднякам ценности независимости, — писал он, — и обучая их не искать постоянно систематической или случайной благотворительности, а иметь собственные источники поддержки... мы значительно приблизимся к более стабильному и здоровому государству»¹⁴.

Иереимия Бентам перефразировал все ту же аргументацию в своей работе «В защиту излишеств. Боль и наслаждение» (1818). Он настаивал на том, что, проводя жесткие и даже антисоциальные меры в отношении бедных, можно не только блокировать, но и устранять социальные проблемы: «Если сделать помощь бедным *болезненной* (здесь и далее выделено нами. — Ю. Б.), — писал он, — бедные от этого лишь выиграют, так как будут стремиться *сами поддерживать себя*... и в дальнейшем это приведет их к наслаждению... Бедные перестанут быть паразитами. Им вернут их достоинство». В этой же работе Бентам разработал план «Паноптикона» — некоего прообраза рабочего дома XIX в., в котором должны были содержаться все трудоспособные люди без собственности и без профессии (их он насчитал около миллиона). Суровая диета, изоляция и строгая дисциплина, верил Бентам, сделают бедных продуктивными, трезвыми и замедлят их чрезмерное воспроизводство.

Были в Англии и те, кто в дискуссиях о социальной помощи стоял на противоположном «полюсе» и придерживался кардинально иного взгляда на нищету и ее причины. Так, Уильям Хэзлитт, писатель и публицист, в памфлете «Мальтус и свободы для бедняков» (1807)¹⁵ обвинял Т. Мальтуса в том, что тот «сделал себя пророком богатых и великих, особенно тех из них, кто не склонен к подаяниям... с помощью магических формул типа “излишнее” или “избыточное” население». Показательно, что Хэзлитт, в отличие от большинства своих современников, хотя бы пытался говорить от лица самих бедных, ссылаясь на их мнения: «Не так давно я спросил старого работающего крестьянина — думает ли он, что нищета в его округе возникла по причине увеличения работающих бедняков, в результате которого стало не хватать работы на всех. Он ответил: “Нет!”, сказав, что в его местности не стало больше людей, чем обычно, и не больше, чем требуется для того, чтобы выполнять соответствующие работы летом, чтобы выжить зимой... Выжить зимой! Боже праведный! Неужели эти слова не ранят сердца богатых и могущественных сильнее, чем любой плач?» Хэзлитт, по сути, предлагает сократить расходы на роскошь: «...лошади для удовольствий и экипажей, повсеместно содержащиеся в этом королевстве, потребляют такое количество продукции, производимой землей, какого было бы достаточно для содержания всех пауперов... Мальтус... подаст бедному жесткое, как скребок, полотенце, а сам возьмет чистый белый носовой платок, чтобы стереть помаду со щеки раскрашенной проститутки!...» В то же время Хэзлитт признает, что налоги на бедных тяжелы для обычных людей, «гуманность которых оказалась обескровленной налоговым бременем, возложенным на них их экономикой», и тоже поддерживает идею самопомощи: «Спасение бедняков, я убежден, должно происходить изнутри их круга»¹⁶.

Чарльз Холл, врач по образованию, в труде «Влияние цивилизации на народы европейских государств» (1805), обратившись к статистическим данным, показал, что в силу огромной смертности, особенно детской, среди бедняков естественный прирост этой части общества крайне низок. А раз так, то утверждение Мальтуса, будто нищета народных масс есть следствие их неразумного

размножения, — ложно. Не невежество и тупость народа являются причиной его нищеты, а, наоборот, нищета масс — причина их умственной и нравственной неразвитости.

В общественно-политических дискуссиях конца XVIII — начала XIX в. победу одержал, однако, именно «вигский нарратив», основанный на идеях «мальтузианцев», что было вполне закономерно и объяснимо. Две его четкие линии аргументов самым естественным образом накладывались на дискурс и риторику эпохи. Первая линия перекликалась с «модными» идеями свободы рынка и торговли, вторая исходила из еще более ранних идей и во многом была предопределена ценностной системой протестантизма, тесно связанной с развитием новых капиталистических отношений. Нормы и ценности протестантской этики перекликались с идеей личной ответственности человека за свое материальное положение. Возможно, поэтому даже критики мальтузианства также не отвергали идеи самопомощи как выхода из кризисной для бедных ситуации. Таким образом, несложно было доказать, что организованная и систематическая социальная помощь подрывает бережливость, личную ответственность и трудовую дисциплинированность.

В русле обозначенных линий аргументов располагались и выводы Королевской комиссии 1832—1834 гг. по изучению законодательства о бедных, целью которой было оценить эффективность системы социальной помощи в стране. В ее отчете, опубликованном в 1834 г. и ставшем официальным поводом для реформирования всего «старого законодательства», особой критике подверглась упоминавшаяся выше «спинхемлендская система», которая была названа «колыбелью зла» и «универсальной системой пауперизма»¹⁷.

Аргументы были следующими:

1. Система распространилась практически на половине английской территории — значит, по сути, приобрела статус неписаного закона.

2. Она позволяла работодателям платить нанятым работникам максимально низкое жалованье, ведь графство все равно оплачивало разницу с прожиточным минимумом. Заработная плата бедняков оставалась неизменной, росли лишь налоги на бедных, тяжким бременем ложившиеся на плечи фермеров — основных налогоплательщиков.

3. Нарушались «все прецеденты» помощи бедным, так как помощь оказывалась не только немощным, старикам или зависимым, но также и трудоспособным.

4. Сотни рассказов приходских священников указывали на аморальность и деградацию сельской бедноты.

«Акт о поправках к законодательству о бедных», принимавшийся в условиях забастовок, мятежей, выступлений луддитов в более чем 80 частях страны, был презентован как попытка ликвидации всех этих безобразий, якобы вызванных несовершенством «старого» института помощи бедным.

Только к середине XIX в., когда стали всплывать недостатки новой системы, появились попытки переосмысления старой. Одной из первых таких попыток стала «левая», социалистическая трактовка «старого законодательства». Связана она в первую очередь с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса; позднее, в конце XIX — начале XX в., эта трактовка получила развитие в работах фабианских социалистов, супругов С. и Б. Веббов. В «Капитале» Маркса появилось хлесткое название «Кровавое законодательство против экспроприированных», дававшее, по сути, характеристику той части «старого законодательства», которая касалась наказания «упорных» бродяг и попрошаек. Венцом этой части Маркс считал «Акт о наказании бродяг и упорных нищих» (1597), который «дал окончательную формулировку закона о бедняках и бродягах». Смысл Марксовой критики репрессивной части английского «старого законодательства» заключался в том, что главными жертвами жестоких наказаний становились крестьяне, согнанные с земель в результате огораживаний и устремившиеся за лучшей долей в города¹⁸. По Марксу, эксплуатация крестьянства осуществлялась в Новое время в Англии с двух сторон: посредством огораживаний и «старого законодательства». Поэтому он ни в коем случае не считал — да и не мог считать — «старую систему» «бедноцентристской» и в этом смысле, конечно же, расходился с «вигским нарративом». Более того, еще одним пунктом его критики были работные дома, на которые была сделана основная ставка при реформе системы социальной помощи в 1834 г. Наконец, и он и Энгельс положительно оценивали компонент *помощи* нуждающимся

как таковой и налоговых отчислений в пользу последних. В работе «Немецкая идеология» (1845) Маркс полемизировал с Риккардо (последний обличал «старое законодательство» за то, что оно «настолько раздуло расходы на содержание бедных, что если продолжать в том же духе, то вскоре они поглотят чистый годовой доход страны»). Он открыто призывал восстать против «всех этих химер, идей, догм и воображаемых конструкций буржуазного общества», «висящих на шее современного сознания, как хомут»¹⁹. Энгельс же в своем труде «Положение рабочего класса в Англии» (1845), подробно анализировавшем бедствия английских социальных низов, повествует о случае, когда полицейский магистрат, вопреки правилам, выдал «значительную сумму из кружки для сбора на бедных» жительнице местечка Спиталфилдз, сыновья которой «были арестованы за кражу из магазина и моментальное поглощение куска говядины». Магистрат отдал такое распоряжение, узнав, что муж женщины, в прошлом полицейский, погиб и что она ютится с шестью детьми в тесной и грязной комнатенке, продав за еду все, вплоть до мебели и постельного белья. Энгельс восхищается поступком магистрата и приводит его в пример как доказательство нужности отчислений в пользу бедных²⁰. Однако расхождение классиков марксизма с «вигским нарративом» не было полным, так как тезис о повсеместной *деградации* сельской бедноты вследствие политики властей, в принципе, подходил к теории классовой борьбы и смены формаций. Как и английские реформаторы первой половины XIX в., Маркс и Энгельс считали, что социальная помощь по спинхемлендскому принципу способствовала моральному разложению как работодателей, в одностороннем порядке перекалывавших расходы по заработной плате на графства, так и работников, чья производительность труда и заработки падали²¹.

Следующий «виток» в оценке «старой системы» произошел в первой половине XX в. Назовем его «неолиберальным», так как, в целом располагаясь в русле традиционной вигской интерпретации, он был лишен ненависти к «бедноцентристской» системе, характерной для риторики первой половины XIX в. Выразитель этого подхода — Дж. М. Тревельян. Он называл «старую систе-

му» «хорошим замыслом, приведшим к ужасным последствиям», критикуя, как и его предшественники, в основном «моральную составляющую» и в основном «спинхемлендскую систему». «Фермер, — писал Тревельян, — не спешил выплачивать должный минимум заработной платы, так как разница все равно возмещалась приходом, а рабочий поневоле попадал в категорию пауперов — даже если он был обеспечен работой... среди фермеров рос эгоизм, среди “пауперизированных батраков” росли праздность и преступления»²². В то же время Тревельян отвергал аргументы экономистов первой половины XIX в. о том, что именно «спинхемлендская система» привела к увеличению числа бедных. Этот рост был связан, по его мнению, не с увеличением рождаемости, а со снижением смертности: «...не глупым мировым судьям Спинхемленда, а хорошим врачам Великобритании обязана тем, что между 1801 и 1831 гг. население Англии, Уэльса и Шотландии выросло с 11 миллионов до 16,5 миллионов человек»²³.

В середине XX столетия появляется новая интерпретация «старой системы», которую можно смело назвать «ревизионистской», ибо представители ее впервые действительно попытались «сбросить с себя хомут» (эта метафора Маркса будет здесь как нельзя кстати) «вигского нарратива». Классической в этом смысле стала статья Марка Блога «Миф о старом законодательстве о бедных» (1963), в которой политики и экономисты XIX в. обвинялись в использовании Спинхемленда для «очернения» всей системы социальной помощи с целью создания необходимого настроения для реформы 1834 г.²⁴ Автор также указывал, что «достоверность» любых нарративов снижается в силу отсутствия точных данных о расходах и функционировании децентрализованной системы, в которой решения принимались местным чиновничеством и духовенством: «Да, есть сведения о полном объеме расходов в более чем 15 000 приходов, с 1802 по 1834 г., но мы не можем знать, как именно расходовались средства на социально уязвимые группы — стариков, немощных, бездомных детей, одиноких матерей... В ряде приходов сохранились детальные отчеты о расходовании средств, но все равно трудно восстановить, на каком основании конкретный человек получал шесть шиллингов в неделю... Мальтузианская

морализаторская сказка об угрожающих последствиях помощи бедным победила *перед* тем, как были собраны необходимые данные, и *до того*, как система “произвела свои угрожающие последствия”... Но этот нарратив повторялся в дискурсе — политиками, экономистами, духовенством, представителями Королевских комиссий и пр. так часто, что получил статус “абсолютной научной правды, основанной исключительно на естественном законе”»²⁵. Вслед за Блогом к похожим выводам пришли Дж. П. Хьюзел и К. Д. М. Шнель: согласно их аргументам, обнищание сельского населения было вызвано отнюдь не «старой системой», а скорее массовым перемещением промышленности на Север и деиндустриализацией на Юге страны, увеличением уровня сельскохозяйственной безработицы, упадком ремесла, экономическим спадом после 1815 г. и иными факторами. Социальная же помощь бедным, напротив, защищала сельскую бедноту от безработицы и потери альтернативных источников заработка.

Практически одновременно с появлением «ревизионистского нарратива» в 40-е гг. прошлого века знаменитый социолог Карл Поланьи — в своей не менее знаменитой и ставшей классической работе «Великая трансформация» — вновь обращается к нарративу «вигскому», причем как к *основе* понимания истории становления социальной политики, посвящая отдельную одноименную главу Спинхемленду. «Утверждая, что изучение Спинхемленда означает анализ истоков цивилизации XIX в., — пишет Поланьи, — мы имеем в виду не только его экономические и социальные последствия и даже не определяющее влияние, которое оказали эти последствия на современную политическую историю, но тот, как правило, неизвестный нашему поколению факт, что все наше социальное сознание формировалось по модели, заданной Спинхемлендом»²⁶. Так происходит второе рождение «вигского нарратива», который, судя по материалам специальной интернет-конференции, проведенной в 2004 г. и посвященной юбилею выхода в свет «Великой трансформации», продолжает оказывать существенное влияние на социологическую мысль и — более того — берется за основу рекомендаций в отношении социальной политики в современной России. Так, Т. Ю. Сидорина пишет: «Поставленный

в центр рассмотрения 7-й главы “Великой трансформации” закон Спинхемленда в реальности вводил право существовать не работая как систему, как практику, причем называя эту практику “правом на жизнь”. Безусловно, в основе закона — требование обязательной работы, доплата полагалась лишь работающим. Но, как мы знаем, последствия Спинхемленда оказались столь плачевными, что иначе как развращающим этот Закон нельзя и назвать. Люди получили реальную возможность не работать... И при новом режиме, режиме “экономического человека”, никто не стал бы работать за плату, если он мог обеспечить себе средства к существованию, ничего не делая»²⁷. Такой же точки зрения придерживается Р. А. Школлер, который, вслед за Поланьи трактуя Спинхемленд как своего рода «право на жизнь» по принципу дополняющей субсидии», утверждает, что он препятствовал формированию рынка труда в Англии. При всей антигуманности системы рабочих домов, считает Школлер, именно Акт 1834 г. создал предпосылки образования национального рынка труда²⁸.

Очевидно, что оценки «старой системы», существующие в сегодняшнем научном дискурсе, до сих пор во многом балансируют между «вигским нарративом» и ревизионизмом. И все же в современной историографии преобладают попытки более взвешенного подхода к оценке «старого законодательства» — подхода, выражаясь словами исследователей Фреда Блока и Маргарет Сомерс, «освобожденного от мифологий и нарративов, сконструированных два столетия назад». Одну из таких попыток представляет собой статья указанных выше авторов. Их основная мысль сводится к тому, что «спинхемлендский эпизод сам по себе не мог привести к последствиям, которые ему приписывают». «Старая система», считают Блок и Сомерс, законодательно закрепляла обязанность на местном уровне участвовать в судьбах тех, кто попал в нужду в результате болезни, уродства, распада семьи или временной безработицы. «В то же время, — пишут они, — в действительности в применении на практике этого законодательства в различных графствах и приходах наблюдались значительные расхождения, так как последние экспериментировали с использованием различных стратегий и политик, предназначенных для того, чтобы помочь бед-

ным, защитить их, сохранив при этом стимулы к труду». Значение «старой системы» авторам видится и в том, что «репертуар социальной помощи», который до сих пор обсуждают современные политики, «немногим отличается от перечня мер, применявшихся в Англии в XVII—XVIII вв.». Это минимальный гарантированный доход, страхование на случай сезонной безработицы (в зимние месяцы ряд графств предоставлял сельскохозяйственным рабочим еженедельные дотации в зависимости от размера семьи), общественные работы и работные дома, субсидии работодателям (в ряде приходов фермерам, нанимавшим безработных, доплачивали из фонда, собранного из налогов), стимулирование трудовой деятельности (иногда налог на бедных заменяли насильственным распределением определенного количества безработных), дотации на детей (тем сельскохозяйственным работникам, у которых было 2—3 несовершеннолетних ребенка и более, доплачивалась определенная сумма к жалованью)²⁹.

Историк медицины Саманта Уильямс, кстати, дополняет данный список. На основе анализа приходских архивов она утверждает, что к началу XIX в. примерно в трех четвертях приходов юго-востока Англии существовал «аналог обязательного медицинского страхования» — практиковались контракты, заключаемые между хирургом-фармацевтом (обычная для того времени квалификация врача) и приходом и обязывающие врача оказывать бесплатную медицинскую помощь беднякам. Эти контракты, по данным Уильямс, практически полностью вытеснили метод, когда врач выписывал пациенту счет за определенную услугу, а приход его оплачивал. Более того, медицинский рынок благодаря такого рода «страховым полисам» стал конкурентным, и врачи стремились заключить подобный контракт, чтобы вытеснить своих соперников³⁰.

Пол Слэк, бывший редактор журнала «Past and Present», автор книг «Бедность и политика в Тюдоровской и Стюартовской Англии» и «Английское законодательство о бедных в 1531—1782 гг.»³¹ вообще отказывается признавать термины «старое законодательство» и «старая система». Это было, как он считает, скорее «неровное и локальное» регулирование проблем с бедными, «находившее выражение в тысячах тщательно фиксируемых небольших

еженедельных выплатах, которые в сумме своей выливались в достаточно обширный трансфер денежных средств от богатых к бедным... но которые не удалось объединить «в целиком безличностную дисциплинарную машину». Слэк отмечает, с одной стороны, позитивное влияние системы на сознание тех, кто платил налог на бедных: «Для половины домовладельцев сам по себе факт уплаты налога делал их членами респектабельного сообщества и *отгораживал от нищих и нарушителей порядка*... Машина социального обеспечения давала плательщикам этого налога *чувство групповой идентичности* и осознание социального превосходства, по мере того как она конструировала четко очерченную категорию зависимых бедных». С другой стороны, он признает, что в XVIII в. затраты на содержание бедных действительно выросли — «как в реальных цифрах, так и в восприятии налогоплательщиков и законодателей», и система выглядела неадекватной в новых экономических условиях. Вывод Слэка в целом ближе к ревизионистской трактовке. «Английское “старое законодательство”, — пишет он, — громче лаяло, нежели кусало. Оно служило ряду целей: установлению более строгого социального контроля, облегчению участи части населения и демонстрации щедрости власти, ее милосердия». Еще один вывод автора затрагивает так называемый «европейский контекст» проблемы. Несмотря на «бессистемность», английская «система» была, по мнению ученого, более эффективной, чем подобные институты в других странах³².

Следует отметить, что отдельную группу современных исследований представляют работы, анализирующие английское «старое законодательство» в европейском контексте, при изучении истории других стран. Так, Т. Смит в опубликованной недавно статье «Идеология милосердия, образ английского законодательства о бедных и дебаты о праве на вспомоществование во Франции, 1830—1905 гг.» указывает на то, что во Франции дискуссии о социальной помощи долгое время определялись «заграничным примером» Англии. «Французская боязнь любого рода социальных программ, — пишет Смит, — имела в своей основе испорченный образ английского законодательства о бедных». Он анализирует аргументы французских политиков, которые во второй половине

XIX в. выступали против социальных дотаций и бесплатной медицинской помощи беднякам, и приходит к выводу, что они «использовали негативный образ английского законодательства о бедных, организовав тщательно инструментированную и дезинформирующую пропагандистскую кампанию»³³.

В русле компаративного подхода располагается и фундаментальный труд П. Линдерта, изучавшего и сравнивавшего социальные затраты в европейских государствах с XVIII в. по настоящее время. Согласно его выводам, объем государственных затрат на социальную помощь к концу XVIII столетия превышал 1 % национального дохода только в Нидерландах, Англии и Уэльсе. К 1820-м гг. Англия и Уэльс, по мнению Линдерта, становятся мировыми центрами социальной помощи — как фактически (2,66 % от национального дохода), так и в публичных дебатах³⁴.

Итак, обсуждение историками английской системы социальной помощи в том виде, в каком она существовала в Новое время, продолжается, и в современной историографической полемике по этому вопросу «вигский нарратив» продолжает занимать весомое место, представляя собой одну из двух основных аргументативных стратегий. Его современные сторонники по-прежнему основываются на «мальтузианской» посылке о том, что любое перераспределение налогов в пользу бедных ведет лишь к ухудшению положения последних, так как ставит их в ловушку зависимости от общественной щедрости. Однако не меньший вес в сегодняшних дебатах имеют и те, кто оценивает «старую систему» с позиций интересов самих нуждающихся в помощи социальных слоев — бедняков, пожилых, немощных людей — вне зависимости от того, виноваты они в своей печальной участи или нет.

¹ Цит. по: *Slack P. Poverty and Policy in Tudor and Stuart England. L., 1993. P. 5.*

² *Nicholls G. A. History of the English Poor Law. L., 1898. Vol. 1. P. 125.*

³ *Ibid. P. 128.*

⁴ *Ibid.*

⁵ Еще он известен под названиями «Елизаветинский закон о бедных» и «Старый закон о бедных».

⁶ Leonard E. M. The History of the English Poor Relief. L., 1965. P. 226—236.

⁷ Ibid.

⁸ Quirk V. Lessons from the English Poor Laws // Refereed paper presented to the Australian Political Studies Association Conference, University of Newcastle, 25—27 September 2006. P. 10.

⁹ Jones K. The making of Social Policy in Britain. L., 1993. P. 7.

¹⁰ Quirk V. Op. cit. P. 9.

¹¹ Townsend J. Dissertation on the Poor Law by a Well-Wisher of Mankind. Berkeley ; Los Angeles ; L., 1971. P. 38.

¹² Ibid. P. 23.

¹³ Цит. по: Jones K. Op. cit. P. 8—9.

¹⁴ Ibid. P. 10—11.

¹⁵ Hazlitt W. Reply to Malthus. Malthus and the Liberties for the Poor. L., 1807. P. 3—6.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ См.: Report from the Select Committee on the Poor Laws (1817), Report from the Select Committee on the Poor Laws (1819), Report from the Select Committee on Labourer's Wages (1824), Report from His Majesty's commissioners for Inquiring into the Administration and Practical Operation of the Poor Laws. L., 1834.

¹⁸ См., например: Штокмар В. В. Кровавое законодательство Тюдоров против обезземеленных народных масс Англии // Учен. зап. ЛГУ. № 130. Секция ист. наук. Л., 1957. С. 18.

¹⁹ См.: Proyect L. The Unrepentant Marxist [Electronic resource]. URL: <http://www.louisproyect.worldpress.com/2008/02/03/htm>.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Треvelyан Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Викторин. Смоленск, 2002. С. 496—497.

²³ Там же. С. 498.

²⁴ Blaug M. The Myth of the Old Poor Law and the Making of the New // The J. of Economic History. 1963. Vol. 23, N 2. June. P. 151—184.

²⁵ Ibid. P. 182.

²⁶ Полянй К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. Гл. 7.

²⁷ Сидорина Т. Ю. Мифологемы человеческого существования и формирования социальной политики в XIX—XX вв.: К. Полянй и Л. фон Мизес // 60-летие выхода в свет «Великой трансформации» Карла Полянй: уроки для России : материалы науч. конф. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Ecsocman.edu.ru/db/msg/176965.html>.

²⁸ Школлер Р. А. Чем закон Спинхемленда препятствовал формированию рынка труда в Англии? // 60-летие выхода в свет «Великой трансформации» Карла Полянй...

²⁹ Block F., Somers M. In the Shadow of Speenhamland: Social Policy and the Old Poor Law // Politics and Society. 2003. Vol. 3. P. 11—12, 32.

³⁰ Williams S. Practitioner's Income and Provision for the Poor. Parish Doctors in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries // *Social History of Medicine*. 2005. № 18(2). P. 159—186.

³¹ Slack P. Poverty and Policy in Tudor and Stuart England; *Idem*. The English Poor Law, 1531—1782. *New Studies in Economic and Social History*. Cambr., 1995.

³² Slack P. The English Poor Law... P. 205—208.

³³ Smith T. The ideology of charity, the image of the English Poor Law and debates over the right to assistance in France, 1830—1905 [Electronic resource]. URL: http://journals.cambridge.org/article_S0018246X97007553.

³⁴ Lindert P. H. Growing Public. Social Spending and Economic Growth since the 18th century. Vol. 1 : The Story. Cambr., 2004. P. 8.

М. Ю. Чепурина

ЗАГОВОР БАБЁФА В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Результат сравнения советской историографии с любой «буржуазной», на первый взгляд, кажется предрешенным. Не нужно даже вникать в предмет исследования одной и другой, чтобы с уверенностью сказать: у нас — формации, классовая борьба, «иллюстративный метод», плоские формулы, гипертрофированная роль экономики, возвеличивание любых революционеров и бунтарей, даже склонных к откровенному бандитизму; у них же — естественно, критический подход, большая объективность, свобода от политического давления, живой человек вместо абстрактного класса...

Однако не все так просто. Перечисленное и верно, и не верно. Точнее, оно является лишь частью ответа на вопрос о различии во взглядах отечественных и французских историков на деятельность Бабёфа. Если же вспомнить, что отнюдь не все советские историки (особенно в послесталинский период) были рабами «краткого курса», а марксизм был довольно распространенным явлением в кругах французских исследователей, тема данной статьи начнет выглядеть намного интереснее.